

О ИВАНОВЕ Б. Н. — в ПОМПОЛИТ

ИВАНОВ Борис Николаевич, родился в 1877 в Купянске Харьковской губ. Получил высшее образование, до революции служил по судебному ведомству, позднее — товарищ прокурора Черноморского суда в Новороссийске. В 1920-х — работал членом Коллегии защитников. 21 ноября 1928 — арестован в Новороссийске и заключен в тюрьму¹.

В апреле 1929 — в Помполит за помощью обратилась его жена Маргарита Александровна Иванова.

<8 апреля 1929>

«В КОМИТЕТ ПОМОЩИ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫМ

ИВАНОВОЙ Маргариты
Александровны, проживающей
в г<ороде> Новороссийске, по
ул<ице> Парижской Коммуны,
д<ом> № 67а

З А Я В Л Е Н И Е

20 Ноября прошлого года Чер<номорским> окр<ужным> отделом ОГПУ арестован мой муж, член Коллегии защитников, Борис Николаевич ИВАНОВ, служивший до революции по судебному ведомству, а последнее время занимавший должность товарища прокурора Черноморского суда в г<ороде> Новороссийске и находится до настоящего времени под стражей в Новороссийском Исправ<ительном> труд<овом> доме.

9-го Марта текущего года следствие закончено и в виду отсылки дела в Москву, я обращаюсь с настоящим заявлением и прошу уделить этому делу серьезное внимание в виду того, что дело возбуждено, создано и раздуто против человека, который ровно никакого отношения к приписываемым ему преступлениям не имел, что при ведении следствия допущен целый ряд вопиющих беззаконий, а также ввиду того, что дело создано по проискам агента ГПУ гр<ажданина> ДЕРЕХОВСКОГО, человека психически ненормального и страдающего манией преследования на почве прогрессивного паралича.

И вот, на почве бреда сумасшедшего человека создается и раздувается дело, в котором каждый его дикий выкрик и ничем не проверяемые ложные показания являются решительными и крупными факторами для следственной власти и на основании их обвинительные пункты ст<атьи> Угол<овного> Код<екса> щедро сыпятся на голову человека, не совершавшего ровно никакого преступления.

Что душевно больной гражданин ДЕРЕХОВСКИЙ был только орудием для создания обвинения, что участие в нем деятельно принимало другое лицо, вполне ясно сознающее, какими способами лучше всего фабриковать мифические государственные преступления, указывает тот факт, что живущий по соседству с нашей квартирой агент ГПУ ДЕРЕХОВСКИЙ, задолго до очной ставки с мужем, усиленно посещался следователем ГПУ ЛЕБЕДЕВЫМ в его квартире, где следователь целыми вечерами составляет какие-то бумаги, причем, разговоры ведутся секретные, упоминаются фамилии обвиняемых в этом деле и из помещения на это время изгоняются лица, живущие в нем.

Тотчас после очной ставки с мужем гр<ажданина> ДЕРЕХОВСКОГО увозят на вокзал на автомобиле и до сего времени его в городе нет,

¹ Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

причем, сам следователь ЛЕБЕДЕВ присутствует при отъезде из квартиры и сопровождает его на вокзал. Увоз гражданина ДЕРЕХОВСКОГО объясняется тем, что он, как человек психически ненормальный, любил хвастаться, какие показания он давал в ГПУ, кого оговорил, желая, чтобы к его персоне люди проникались страхом.

И вот, чтобы пресечь его болтовню, его удаляют из города. Муж мой обвиняется в том, что он состоял с самого возникновения сов<етской> власти в городе Новороссийске в контрреволюционной организации, а с 1-го января 1928 года, после ухода главы этой организации, стал во главу ее и имел "два посещения" (формулировка следователя), каковые преступления подводились под ст<атьями> 58-4 и 58-11 Угол<овного> Код<екса>, а по окончании следствия муж узнал, что ему вменяется в вину и преступление, предусмотренное ст<атьей> 58-2 Угол<овного> Код<екса>.

Какая организация могла существовать негласно в течение 9-ти лет в таком небольшом городе, как Новороссийск, где большинство граждан отлично знают друг друга не только в лицо, но также семейное и материальное положение и политическую физиономию, а тем более это еще лучше должно было быть известно органам ГПУ. А между тем выходит, что группа безнаказанно вела свою тайную работу в течении 9-ти лет. В чем же эта работа выражалась? Из кого группа состояла? При всем своем старании следователь не мог на вербовать в нее более трех лиц. И вот получается, что три старика-инвалида (62-х, 59 лет и 51 года) на далекой окраине замышляют свергнуть власть. Мыслимо ли это и не слишком ли по-детски наивно?

Муж мой человек тяжело больной (со времени ареста почти все время находится в тюремной больнице), страдает астмой и туберкулезом легких, от приступов астмы еле двигается, и вот такой человек намеревается совершить в компании с тремя ему подобными — государственный переворот.

При тщательном обыске в нашей квартире, продлившемся в течение четырех часов, и проводившемся тремя лицами, ничего даже маломальски уличающего его в приписываемых ему преступлениях обнаружено не было.

Кроме того, мужа обвиняют по ст<атье> 58-4, именно в оказании какой-то помощи международной буржуазии. Но для такого обвинения необходимо, чтобы стремление оказать помощь выразилось в каких-либо действиях, между тем, муж не только никаких таких действий не совершал, но и понятия о заграничной буржуазии не имеет, да и следователь на следствии не провел по этому поводу никаких обстоятельств, уличающих его в этом преступлении.

За всю свою жизнь и в частности с 1920 года (время становления в Новороссийске сов<етской> власти), муж не послал за границу и не получил оттуда ни одного письма, что хорошо известно органам ГПУ. Ни родственников, ни друзей, ни знакомых у нас за границей нет, иначе хоть какая-нибудь, хоть редкая переписка с заграницей все-таки была бы.

По этой статье мужу ставится в вину органами ГПУ посещение нашей квартиры приезжавшим будто бы из заграницы для получения информации сыном Владимира ТИМЧЕНКО — Александром, где они якобы встречались с отцом. Необходимо сказать, что сына В. ТИМЧЕНКО Александра мой муж никогда не видел, хотя Владимир ТИМЧЕНКО и дочь его Вера утверждают, что их сын и брат со времени отъезда за границу оттуда не возвращался в СССР. Я категорически утверждаю, что никаких посещений нашей квартиры сыном ТИМЧЕНКО никогда не было, да и следователь не указал, чем подтверждаются эти вымышленные посещения. Странно также, что агенты ГПУ, бдительно следившие, по их

словам, за нашей квартирой и видевшие, что ее посещает с преступной целью лицо, приехавшее из-за границы, не только не нашли нужным задержать это лицо на месте, но еще и дали ему возможность выехать обратно за границу с якобы полученными материалами.

Относительно обвинения мужа по ст<атье> 58-8 — совершение террористических актов надо сказать, что основанием к обвинению послужило показания Веры ТИМЧЕНКО в том, что она, явившись к нам на квартиру, огласила принесенную ею записку, в коей были перечислены фамилии пяти лиц, рассеянных по всему СССР, среди них будто бы фигурировала и фамилия ДЕРЕХОВСКОГО, которые должны были быть уничтожены, как виновники ссылки ее отца — Владимира ТИМЧЕНКО.

Я категорически утверждаю, имея на это данные, что показания Веры ТИМЧЕНКО относительные уничтожения пяти каких-то лиц и другие ее показания по этому делу явились вынужденными и данные ею ложно при допросе под влиянием угроз расстрела ее отца и ее самой, имевших место со стороны следователя ЛЕБЕДЕВА и в присутствии начальника Черноморского ОГПУ тов<арища> ВИНУКUROVA.

На все это дело может пролить яркий свет прилагаемая в копии записка арестованной Веры ТИМЧЕНКО на имя ее отца, попавшая совершенно случайно ко мне в руки. Из записки видно, в каком направлении велось следствие, и можем ли от него ожидать немедленной объективности.

Вера ТИМЧЕНКО была у нас в доме всего три раза и приходила посоветоваться с мужем, как с юристом, по делу арестованного отца, и никаких разговоров, приписываемых следователем, она не вела.

Я прошу также обратить внимание, что очная ставка Веры ТИМЧЕНКО с моим мужем носила непонятный характер, так как на вопрос следователя ЛЕБЕДЕВА — оглашала ли она в присутствии мужа записку о необходимости уничтожить пять каких-то лиц, она лишь кивнула головой вместо ответа, а мужу воспрещено было предлагать ей вопросы.

Далее, я прошу обратить внимание на то обстоятельство, что свидетели, указанные мужем в свою защиту, не вызывались для допроса. Что же касается показаний единственного вызванного свидетеля мужа, Федора ЖУКОВА, которого вместе с его братом, комиссаром милиции, благодаря своему положению местного товарища прокурора, спас от расстрела по обвинению в большевизме при занятии города Новороссийска Деникинскими войсками, то его показания следователь ЛЕБЕДЕВ не нашел нужным зафиксировать на бумаге и, когда свидетель обратил на это внимание, то получил ответ, что "мы их и так запомним".

Что касается агентов ГПУ СЕРКУТИНА И ДЕРЕХОВСКОГО, принимавших участие в фабрикации этого дела, то я должна сказать, что все их показания построены только на лжи, которую муж легко мог бы опровергнуть, при разрешении говорить на очных ставках, и при условии ознакомления его со следственным материалом. Кроме того, обращаю внимание власти на то, что душевную болезнь агента ГПУ, гр<аждани>на ДЕРЕХОВСКОГО могут подтвердить пользовавшие его врачи Новороссийской гор<одской> больницы. На его психическую ненормальность указывают неоднократные подозрения, что его хотят убить (в копии письма Веры Тимченко — Дереховский подозревает, что она подошла к нему на улице с намерением его убить).

При очной ставке мужа с Дереховским, которого муж до этого времени совершенно не знал, последний сначала несет какой-то бред, что он знал мужа, когда тот был рабочим металлистом, что он ему вручал какие-то контрреволюционные заговоры для принятия соответствующих мер, что муж с хирургом Новороссийской гор<одской> больницы МАЛИНОВСКИМ отрезали ему ноги (действительно, факт отнятия ему ног

хирургом, старшим врачом Новороссийской гор<одской> больницы МАЛИНОВСКИМ, ввиду гангрены ног, есть налицо), а затем, придя внезапно почему-то в ярость заявил, что муж имел намерение вообще его убить и затем, обращаясь к следователю ЛЕБЕДЕВУ, заявил: если вы освободите ИВАНОВА, то я его все равно сам убью.

И этот явный бред человека, страдающего манией преследования, следователем ЛЕБЕДЕВЫМ ставится в основу обвинения.

Остается одно неопровержимое обвинение — это сбор семнадцати рублей среди знакомых, у которых Владимир ТИМЧЕНКО бывал, ему на полушубок, и колбаса, сало, чай и сахар, собранные тоже среди знакомых ему на дорогу. Но в этом нет ничего преступного, так как ТИМЧЕНКО был нашим знакомым и бывал у нас и даже, как партнер мужа по преферансу, и жил очень бедно. Денежная помощь ТИМЧЕНКО со стороны мужа была очень незначительной, всего 5 рублей. Кроме него и другие знакомые, в доме которых он бывал, собирали ему на полушубок (всего собрали 51 рубль), но они за это не подвергались никакому преследованию.

Уполномоченный ЛЕБЕДЕВ, помимо того, что по окончании следствия отказал мужу в его просьбе предъявить следственный материал и тем лишил его возможности исправить по содержанию следствия или дополнить его, при очных ставках при явной клевете и ложных показаниях на него воспрещал говорить и во все время ведения следствия без всякого повода проявлял злобные чувства к нему и грозил высшей мерой наказания.

ПРИНИМАЯ ВО ВНИМАНИЕ все вышеприведенные факты и ввиду полной невинности мужа моего и совершенной непричастности его к приписываемым ему преступлениям, а также дабы не допустить крупной судебной ошибки я прошу прекратить в отношении его дело и выпустить его из под стражи, в случае же сомнения в его невинности поставить дело на судебное рассмотрение, где он мог бы доказать свою невинность в этом деле, чего он был лишен возможности сделать во время производства следствия.

Москва.

8-го Апреля 1929 года

М. Иванова»².

К письму Маргариты Александровны Ивановой было приложено письмо Веры Тимченко, дочери Владимира Тимченко.

<8 апреля 1929>

«Родной папочка.

Передай Б.Н.³, что я на допросах против Б.Н. ничего не показывала. Все, что было сказано при очной ставке с Б.Н. с ЛЕБЕДЕВЫМ⁴, — это ложь. МЕНЯ ПРИ ОЧЕНЬ ТЯЖЕЛОЙ ОБСТАНОВКЕ ДОПРАШИВАЛИ. 1) Я не говорила, что показывала какой-то список Б.Н.; 2) Я не говорила, что ты, папа, поручил через меня передать Б.Н. убить ДЕРЕХОВСКОГО⁵. Я сказала только, что Б.Н.-ча Д. не любит, это я знаю, а какие счета они имеют, я не знаю. МНЕ НЕ РАЗРЕШИЛИ ПРИ ОЧНОЙ СТАВКЕ ГОВОРИТЬ, ПРОСТО ЗАСТАВИЛИ УГРОЗАМИ, КАСАЮЩИМИСЯ ТВОЕЙ ЖИЗНИ И МОЕЙ. Я НЕ СМОГЛА ДАЖЕ ЗАИКНУТЬСЯ, ЧТО ВСЕ ЭТО ЛОЖЬ. Ведь меня таскали ночью с постели на допросы, делали очную ставку с СЕРКУТИНЫМ⁶ два

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 317. С. 104-106. Машинопись, подпись — автограф.

³ Б. Н. — мой муж Борис Николаевич Иванов.

⁴ Лебедев — следователь отдела ГПУ.

⁵ Дереховский — агент ГПУ, душевно больной, страдающий манией преследования.

⁶ Серкутин — агент ГПУ.

раза с ДЕРЕХОВСКИМ, которые посадили Б.Н., тебя и меня. О КАРАСЕВЕ не было разговора совершенно. При чем КАРАСЕВ, не знаю. СЕРКУТИН нас всех утопил своей наглостью. Мне говорили, что А.⁷ два раза в 28 г<оду> в Н. приезжал к Б.Н. — я отрицала, сказали, что Б.Н. инициатор орган<изации>, где мы с А. встречались, — я все это отрицала. Ведь СЕРКУТИН назвал имя Б.Н. при очной ставке и обвинял меня: 1) подрыв советской власти, 2) отношение с границей (с 21 по 27 г<од>), 3) распространение ложных слухов о С.В., 4) участие мое, твое и Б. Н. в к<онтр>-револ<юционной> организации. Все эти обвинения приписывают мне в обвинительном протоколе. ДЕРЕХОВСКИЙ при очной ставке со мной обвинял меня в том, ЧТО Я ХОТЕЛА ЕГО УБИТЬ, и с этим намерением подошла (помнишь, по его зову летом) к нему. Неужели ты, папа, думаешь, что я виновата во всем? Нет, поверь мне. Мне тяжело, что Б.Н. думает о<бо> мне, как о предательнице.

Передай ему, ЧТО Я В ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ТЯЖЕЛЫХ УСЛОВИЯХ НАХОДИЛАСЬ И ВСЕ, ЧТО ОН СЛЫШАЛ, — ЭТО ЛОЖЬ. Это дело Серкутина и Дереховского. Скажи мне, заикался ли ты Серкутину о Б.Н. когда-нибудь. Откуда он знает имя Б.Н.? Все, ЧТО КАСАЛОСЬ ЭТОЙ ГНУСНОЙ ЛЖИ, Я ОТРИЦАЛА И ПОСЛЕ ОДНОЙ ИЗ ОЧНЫХ СТАВОК С СЕРКУТИНЫМ Я ДУМАЛА, ЧТО С УМА СОЙДУ. ДВА РАЗА Н.О.⁸ ПРИСУТСТВОВАЛ НА ДОПРОСАХ, И ВСЕ ТРОЕ МЕНЯ ЧАСА ПО ТРИ ДЕРЖАЛИ НА ДОПРОСАХ. ВЕДЬ МНЕ ЖЕ ОНИ ГОВОРИЛИ О ТОМ, ЧТО МНЕ МАЛО ТЮРЬМЫ СОЛОВКОВ, "ЕЙ НУЖНО ПРОСТО ШЛЕПКА ДАТЬ", чтобы знала, как Совет<ская> власть считается с такими злостными преступниками, как я. Ведь я четыре месяца просидела в ГПУ МНЕ ГРОЗИЛИ, ЧТО И ТЕБЯ НАСМАРКУ ЗА ВСЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ. Я просила Лебедева притянуть Серкутина за ложные показания. Я Лебедеву говорила, что нельзя основываться на словесных обвинениях, ведь никаких улик нет, доказывающих нашу виновность. Серкутин говорил, что А. два раза приезжал, и у нас были заграничные деньги. Я его назвала негодяем и подлецом. Он говорил, что я с ним кутила, всюду и везде я с ним бывала и говорила о Б.Н. с ним. Это ложь, ложь, и ложь! Не верь, папа тому, что они на допросах говорили, они от себя прибавляют очень многое. Скажи же мне, в чем же я виновата? Неужели же я способна предать кого-либо? Да нет же, папа, поверь мне, поверь тому, что я не могла сама наговорить на неповинного человека. ВЕДЬ ЛЕБЕДЕВ ГОВОРИЛ МНЕ НЕОДНОКРАТНО, ЧТО "Б.Н. Я ГОТОВ СЕЙЧАС ПРЯМО СЪЕСТЬ". ОН ВЫРАЖАЛ ПОЧЕМУ-ТО НЕВЕРОЯТНУЮ НЕНАВИСТЬ К Б.Н. И я оказалась козлом отпущения, меня же обвиняют в предательстве. Не верь, папа, клянусь всем самым дорогим мне в жизни, — это тобой и нашей дорогой матерью, что я не предательница. Ты мне напиши только о Серкутине: 1) откуда он знал о существовании Б.Н. и 2) и говорил ли ты сам о Б.Н. Дело рук нашего общего несчастья только двух лиц. Не могу писать, мне очень тяжело на душе. Я за тебя беспокоюсь только, за меня не волнуйся, ко мне решительно все хорошо относятся, и я голодной не сижу. От передач не отказывайся. Оле я написала. Обещают меня устроить в мастерской работать. Моя статья 58 п<ункты> 6 и 4. А твоя? Как только вышлют тебя, я просила Олю тебе помочь. Жду от тебя ответа. Теперь уж я ничем не могу тебе помочь. Ну, будь здоров, обо мне не беспокойся. Мною все здесь очень заинтересованы и с большой симпатией относятся ко мне. Завоевала доверие и симпатию. Мои надзирательницы обе прекрасные женщины, и ко мне самое лучшее отношение, какое только может быть. Целую тебя крепко, крепко. Люблю и тоскую. Вера.

С подлинным верно:

М. Иванова

⁷ А. — сын Владимира Тимченко — Александр.

⁸ Н.О. — начальник Черноморского отдела ГПУ.

8 Апреля 1929 года»⁹.

21 августа 1929 — приговорен «за систематическое распространение контрреволюционной агитации среди окружающих» к ВМН и расстрелян¹⁰.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 317. С. 107-108. Машинопись, подпись — автограф.

¹⁰ Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.